

V. V. Bulanov

Tver State Medical Academy

TO A QUESTION ABOUT THE COMPLETION OF THE SILVER AGE

The author of article aspires to prove the vision of interrelation between October revolution and end of Silver Age. He proves, that the end of Silver Age is connected with devaluation of valuable installations of the official culture offered by K. P. Pobedonostsev.

Keywords: silver age, official culture, conservator, marxist, value purpose.

Определение даты, связанной с завершением Серебряного века, интересует многих исследователей российской культуры. Продолжающаяся дискуссия по этой проблематике препятствует определению специфики данной культурной эпохи. Думается, конструктивным будет соотнесение деятельности К. П. Победоносцева (1827—1907) с основной причиной, приведшей к завершению Серебряного века. Подобное соотнесение возможно при следовании ценностному подходу к исследованию культуры, и оно может содействовать выработке компромиссного решения проблемы определения даты завершения Серебряного века.

На данный момент некоторые исследователи соотносят эту дату с прекращением творческой деятельности одного (в 1921 году — А. Блока или в 1930 году — А. Белого) или группы субъектов культуры Серебряного века (в 1922 году — после отправления из России «философского парохода», в 1939 году — после начала Второй мировой войны). Есть учёные, которые понимают под Серебряным веком лишь эпоху развития российской литературы и поэзии и в данной связи обосновывают в качестве рубежной даты и 1913 год (Б. Хазанов [20, с. 404—405]), и 1915 год (Е. Эткинд [22, с. 186, 190—191]), и 1917 год (Л. К. Долгополов [5, с. 54, 56]). Однако, как справедливо отмечают П. Е. Фокин и С. П. Князева, при датировке Серебряного века как культурной эпохи правомерно опираться на логику формирования и эволюции «доминирующей идейно-эстетической тенденции» [19, с. 12]. Но и с их позицией не во всем мож-

но согласиться: подобная формулировка сути доминирующего компонента культуры представляется слишком нечёткой, а предлагаемая ими датировка конца Серебряного века — первая половина 1920-х годов — недостаточно обоснованной [19, с. 12]. Нельзя не согласиться с К. Г. Исуповым в том, что после «исторического», российского Серебряного века рубежа XIX—XX веков его культурное наследие развивалось в странах Европы, в среде русской эмиграции. Вместе с тем утверждение данного учёного, по которому «тематическое» единство направлений этого развития позволило российскому Серебряному веку как определённой культурной эпохе продолжить своё, хотя уже и не «историческое», существование в творчестве российских эмигрантов, представляется спорным [6, с. 242].

Среди современных учёных гораздо больше сторонников точки зрения, согласно которой завершение Серебряного века как российской культурной эпохи нужно соотносить с Октябрьской революцией 1917 года. Она представляется наиболее обоснованной: недаром Н. А. Бердяев, являющийся и субъектом культуры, и одним из первых исследователей культуры этой эпохи, утверждал, что к 1917 году ценностные основания царского режима разрушились, их влияние на общество исчезло, а реальной альтернативой им были лишь ценности большевиков [1, с. 235—236]. Вместе с тем учёные, соотносящие конец Серебряного века с революционными событиями октября 1917 года, обосновывают данную позицию по-разному.

Одни из них делают акцент на противоречиях между ценностными установками большинства российских мыслителей начала XX века и большевиков, начавших в России конца 1917 года свою «культурную революцию». В частности, М. А. Воскресенская исходит из того, что культуру Серебряного века интегрировали символистское мировоззрение и согласующиеся с ним ценностные установки веховства и движения за «новое религиозное сознание», к которым адепты марксизма относились резко негативно [2, с. 14—15]. По М. М. Шибаевой, основу целостности культуры Серебряного века и её ценностного конфликта с российскими марксистами составляла созвучность учениям о всеединстве и теургии [21, с. 28]. В отличие от большинства субъектов культуры Серебряного века, российские марксисты отвергали данные учения. Другие современные исследователи своё основное внимание обращают на некую общность всех субъектов культуры Серебряного века, благодаря которой российские марксисты, несмотря на маргинальность большинства их ценностных установок, сумели после Октябрьской революции 1917 года повести за собой подавляющую часть бывших подданных Российской империи. В частности, И. В. Кондаков указывает на то, что ценностные установки как богоскателей и поклонников концепции «всеединства», так и богоборцев и адептов большевизма в равной мере были порождены культурой Серебряного века [8, с. 104—105]. Данную общность замечают и другие современные учёные, трактуя её по-разному. С точки зрения В. К. Кантора, она заключается в такой особенности мировоззрения всех субъектов культуры Серебряного века, как театральность, правда понимаемой каждым из них по-разному. Соответственно, Серебряный век завершился в тот момент, когда большевики получили возможность навязать всему обществу свой вариант театральности поведения человека как субъекта культуры [7, с. 204—206]. По В. Н. Порусу, российских мыслителей рубежа XIX—XX веков и приверженцев марксизма в том числе привлекал

«мираж нового мироустройства» как выхода из тотального кризиса европейской культуры. А эпоха Серебряного века подошла к концу, когда марксисты начали навязывать всему российскому обществу своё видение созидания нового мироустройства [14, с. 4, 438—440].

Представляется, что можно выработать концепцию завершения Серебряного века как культурной эпохи, которая бы учитывала доводы всех современных учёных, относящих эту дату с Октябрьской революцией. Её важнейшим компонентом должна стать классификация форм существования культуры, предложенная П. С. Гуревичем. Данный учёный утверждает, что в каждую культурную эпоху сосуществуют ценности, присущие адептам доминирующей культуры, сторонникам субкультур и контркультур. Причём если доминирующие ценности претендуют на общезначимость, то субкультурные — на сохранение своей автономии, а контркультурные — на превращение из автономных ценностей в доминирующие ценности [3, с. 981; 4, с. 601]. Если обратиться к специфике Серебряного века как культурной эпохи, то её во многом характеризуют две крайние точки той линии, на которой можно расположить все многообразие ценностных установок субъектов культуры Серебряного века. Одна из этих точек, естественно, должна быть соотнесена с мировоззрением В. И. Ленина — теоретика и политического лидера большевиков и идеолога контркультуры Серебряного века. На вторую точку указывает сам Ленин: для него наиболее последовательным идеологическим оппонентом является обер-прокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев как противник любых форм демократического движения масс [9, с. 171]. Думается, эту оценку Ленина дополняет мнение Д. С. Мережковского, который после смерти обер-прокурора Священного синода писал, что в России союз государственной и церковной «казёнщины» против любых форм свободы — как социальной, так и религиозной — оказался воплощённым в деятельности множества «маленьких» лич-

ностей [10, с. 159, 167]. Конечно, в России Серебряного века были консервативные мыслители и помимо Победоносцева. Они, как А. Н. Толстой, выступали с критикой всех проявлений светского начала в культуре [17, с. 168—171], опровергали революционный нигилизм [16, с. 199—200], противопоставляли традиционность монастырской жизни популярности декадентских настроений [15, с. 216]. Но никто из них, в отличие от Победоносцева, не сумел создать цельного консервативного мировоззрения, пропаганде которого можно было бы посвятить бы всю свою жизнь.

Воспитатель и бессменный советник императора Александра III (1881—1894), пользующийся неизменным уважением его сына, императора Николая II (1894—1917), Победоносцев был обер-прокурором Священного синода более двадцати пяти лет (1880—1905) и потому имел все возможности стать идеологом официальной культуры Российской империи. И, как отметил С. А. Фирсов, этот идеолог российского консерватизма ими в полной мере воспользовался, прилагая все усилия по сохранению того «замороженного мира», который представляла собой Россия Александра III» [18, с. 13]. Как отмечает данный учёный, упорный традиционализм, присущий Победоносцеву, его неспособность увидеть что-либо положительное в переменах и, как следствие, его неустанная борьба против всего несовместимого с образом неограниченной монархии на православной основе были типичны для российской консервативной мысли эпохи Серебряного века [18, с. 12, 24]. Вместе с тем сложно согласиться с утверждением этого исследователя, что в 1905 году, когда стало ясно, что обер-прокурор Священного синода «не мог остановить поток истории», «время Победоносцева закончилось» [18, с. 23—24]. Попробуем доказать, что его мировоззрение содержало в себе все ценностные установки официальной культуры России Серебряного века и что основной из них было неприятие свободы как ценности. Тем самым мы одновременно докажем, что «время Победонос-

цева» продолжалось и после его отставки в 1905 году из-за сохранения приверженности правящих кругов России к тем же ценностным установкам, как у него, и преобладающего влияния этих установок на российское общество. Ведь именно девальвация ценностных установок приверженцев официальной культуры позволила Бердяеву констатировать, что к 1917 году «старый режим сгнил и не имел приличных сторонников» [1, с. 235] и что вследствие этого социалистическая революция в России, осуществлённая большевиками, стала историческим фактом.

Если анализировать мировоззрение Победоносцева, то сразу заметна его приверженность ценностному подходу. Следуя ему, мыслитель обосновывает свои консервативные убеждения. Он исходит из того, что центральную роль в культуре играют ценности как «представления о жизни» и побуждения, исходящие из присущего человеку мира «духовно-нравственной жизни» (культуры) и этим определяющие всю его деятельность. В нормальном состоянии культуры соотношение ценностей стабильно и потому поддерживает «равномерность жизни» и «спокойное развитие» её процессов [11, 141; 13, с. 94]. Это соотношение, согласно Победоносцеву, основывается на иерархии идеалов истины, добра и красоты, в которой идеал истины является важнейшим для каждого человека, идеал добра объемлет все социокультурные отношения людей, а идеал красоты имеет второстепенное значение и произведен от идеалов истины и добра, содержание которых излагается Русской православной церковью [13, с. 86, 94].

Состояние современной ему российской культуры, культуры Серебряного века, в которой авторитет Русской православной церкви неуклонно слабел (в 1905 году даже иерархи церкви признали, что «церковь в параличе»), Победоносцев оценивает как крайне патологическое. С точки зрения этого мыслителя, оно несовместимо с идеалами истины, добра и красоты, так как жизнь теперь наполнена безумием, ложью и уродством, а также мнимыми и пагубными цен-

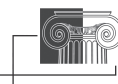

ностями [11, с. 140—141]. Все это, по мнению Победоносцева, является следствиями эгоцентрического беспокойного недовольства как «болезни нашего времени», охватившей всё «новое поколение» России Серебряного века [11, с. 138]. Эту «болезнь» обер-прокурор Священного синода предлагает лечить следующим образом. Он утверждает, что исток эгоцентризма — стремление к личному счастью — химерично, полное счастье недостижимо вследствие первородного греха. И потому, продолжает мыслитель, если относительное счастье вообще возможно для человека, то оно заключается в самоограничении всех желаний [11, с. 150—151]. Довольный своей жизнью человек, заявляет Победоносцев, способен «покоряться законам жизни», то есть признавать свою личностную ущербность и быть недовольным в первую очередь самим собой [11, с. 141]. Не менее важными мыслитель считает выработку умения довольствоваться своим социально-экономическим положением и умерять честолюбие осознанием первостепенности выполнения своего долга перед обществом, а также освобождение от искушений, связанных с возможностями быстрого удовлетворения своих амбиций [11, с. 137—138].

Но, с горечью констатирует Победоносцев, эти искушения появились, а данные способности и умения многими были утрачены. Обер-прокурор Священного синода винит в этом последствия либеральных реформ Александра II. Ведь именно из-за них «расслабла посреди нас ... дисциплина мысли и чувства» — путём ослабления воспитательного воздействия системы образования, становления рыночной экономики с её культом лёгкой наживы и удачи, демократических преобразований, побуждающих стремиться к карьерному успеху [11, с. 138—140]. Из-за этого, отмечает Победоносцев, у многих представителей молодёжи Серебряного века, вследствие следования «мнимым ценностям», возникли чрезмерные, искусственно образовавшиеся потребности, делающие их или сломленными жизнью, или с виду благополучными, но в действительности «пус-

тыми, мелкими ... людьми» [11, с. 138—139]. Идеолог официальной культуры, в силу своего крайнего консерватизма, не видит ничего хорошего ни в каких культурных инновациях России рубежа XIX—XX веков, то есть Серебряного века.

Поэтому особенности ценностных установок Победоносцева являются весомым аргументом в пользу правоты тех современных учёных, которые соотносили завершение Серебряного века в России с победой большевиков в Октябрьской революции 1917 года. Как и отмечал Кондаков, символисты и большевики, несмотря на многочисленные расхождения в ценностных установках, были едины в неприятии апологии консерватизма, присущей Победоносцеву. Тогда как символисты искали истину и красоту, не санкционируемую православием, а большевики — добро и красоту, вообще несовместимые с религиозным мировоззрением, обер-прокурор Священного синода заявлял, что лишь православная церковь имеет право и обязанность «учить и наставлять» российское общество [13, с. 94]. В связи с этим можно согласиться с Воскресенской и Шибаевой в том, что религиозное мировоззрение определяло единство субъектов культуры Серебряного века, делая светское мировоззрение большевиков контркультурным, а православное, но все же религиозное мировоззрение большей части «нового поколения» — всего лишь субкультурным. Ведь именно марксисты, руководствующиеся светскими ценностями и стремящиеся к осуществлению революции, настойчивее всего требовали неприемлемого для Победоносцева отделения православной церкви от государства [13, с. 95], равно как и активнее всего пропагандировали отвергаемое этим мыслителем учение об ответственности власти перед народом [12, с. 99]. Также представляется верным и утверждение Кантора, по которому все представители «нового поколения» были склонны к «театральному» поведению, только символисты его ограничивали сферой искусства, а большевики перенесли и в политику. Если вспомнить, что Победоносцев писал

об искусственности потребностей и ощущений «нового поколения» как о нравственной патологии [11, с. 140], то для него театральное поведение символистов и марксистов было лишь двумя степенями отклонения от нормы — нежелательной (лишь в сфере искусства — у символистов) и неприемлемой (даже в сфере политики — у большевиков). Верно и наблюдение Поруса, согласно которому символистов и марксистов объединяло стремление к изменению мироустройства, которое, правда, для символистов осталось сугубо теоретическим, а для большевиков стало мотивом в их политической деятельности. И на этом основании — по отношению к мировоззрению Победоносцева, как идеолога официальной культуры, — символистов можно причислить к носителям субкультурных ценностей, а большевиков — к приверженцам ценностей контркультурных. Недаром из всех проявлений «болезни нашего времени» Победоносцев специально выделяет лишь два политических лозунга, активно используемых большевистской пропагандой. Таковы призывы к ликвидации союза православной церкви с государством и введению парламентаризма на основе учения о равенстве людей [12, с. 99, 106—115; 13, с. 94—95].

Полемика современных исследователей культуры Серебряного века привела к появлению самых различных датировок её завершения. Думается, что наиболее взвешенным является соотнесение данной даты с со-

бытиями Октябрьской революции 1917 года. Современные учёные уже выдвинули тому ряд обоснований, и их можно интегрировать посредством следования концепции форм существования культуры, предложенной П. С. Гуревичем, и соотнесения с ценностными установками официальной, доминирующей культуры, ярким представителем которой был Победоносцев.

Его представления об идеалах и ценностях были предельно консервативны. Он расценивал все перемены в российской культуре рубежа XIX—XX веков как патологию и безнадежно стремился их остановить. Тем самым он выражал стремление всей консервативной мысли, ценностные установки которой к 1917 году окончательно девальвировались. Его влиятельнейшими оппонентами были символисты и борцы за «новое религиозное сознание», занимавшие в целом субкультурную позицию, и большевики — носители контркультурных ценностей. Вместе с тем культуру России Серебряного века можно расценивать как неустойчивое единство сторонников идей Победоносцева и других приверженцев религиозных ценностей. Это единство всё более ослабевало, чему активно содействовали большевики. Поэтому, несмотря на отставку Победоносцева в 1905 году, его «время», а вместе с ним и эпоха Серебряного века, окончательно завершилось с победой большевиков в Октябрьской революции 1917 года.

Примечания

1. Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Бердяев Н. А. Русская идея. Харьков; Москва, 1999. С. 5—242.
2. Воскресенская М. А. Символизм как мировидение Серебряного века: социокультурные факторы формирования общественного сознания российской культурной элиты рубежа XIX—XX веков. Москва, 2005. 236 с.
3. Гуревич П. С. Контркультура // Культурология: [энциклопедия]: в 2 т. / главный редактор С. Я. Лёвит. Москва, 2007. Т. 1. С. 981—982.
4. Гуревич П. С. Субкультура // Культурология: [энциклопедия]: в 2 т. / главный редактор С. Я. Лёвит. Москва, 2007. Т. 2. С. 601—602.
5. Долгополов А. К. На рубеже веков. О русской литературе конца XIX — начала XX века. — Ленинград, 1985. 352 с.
6. Исутов К. Г. Русская философская культура. — Санкт-Петербург, 2010. 592 с.
7. Кантор В. К. «Крушение кумиров», или Одоление соблазнов (становление философского пространства в России). Москва, 2011. 608 с.
8. Кондаков И. В. Серебряный век как «притча во языцех» // Россия XXI век. 2010. № 1. С. 89—106.

9. Ленин В. И. О «Вехах» // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Москва, 1980. Т. 19. С. 167—175.
10. Мережковский Д. С. Аракчеев и Фотий // Мережковский Д. С. Большая Россия. Ленинград, 1991. С. 158—168.
11. Победоносцев К. П. Болезни нашего времени // К. П. Победоносцев: pro et contra / вступ. ст. и примеч. С. Л. Фирсова. Санкт-Петербург, 1996. С. 137—165.
12. Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени // К. П. Победоносцев: pro et contra / вступ. ст. и примеч. С. Л. Фирсова. Санкт-Петербург, 1996. С. 99—114.
13. Победоносцев К. П. Церковь и государство // К. П. Победоносцев: pro et contra / вступ. ст. и примеч. С. Л. Фирсова. Санкт-Петербург, 1996. С. 80—95.
14. Порус В. Н. У края культуры (философские очерки). Москва, 2008. 464 с.
15. Розанов В. В. Декаденты // Розанов В. В. Мысли о литературе / вступ. статья, сост., коммент. А. Николукина. Москва, 1989. С. 204—216.
16. Тихомиров Л. А. Борьба века // Русские философы (конец XIX — середина XX века) : [антология]. Вып. 2. / сост. С. Б. Неволин, Л. Г. Филонова. Москва : Книжная палата, 1994. С. 199—231.
17. Толстой Л. Н. Что такое искусство? // Толстой Л. Н. Собрание сочинений : в 22 т. / комментарии К. Ломунова. Москва : Художественная литература, 1983. Т. 15. С. 41—221.
18. Фирсов С. Л. Человек во времени: штрихи к портрету Константина Петровича Победоносцева // К. П. Победоносцев: pro et contra / вступ. ст. и примеч. С. Л. Фирсова. Санкт-Петербург, 1996. С. 6—27.
19. Фокин П. Е., Князева С. П. «И век серебряный век и месяц золотой...» // Фокин П. Серебряный век. Портретная галерея культурных героев рубежа XIX—XX веков : в 3 т. / сост. П. Фокина, С. Князевой; вступ. ст. П. Фокина, К. Н. Шахановой. Санкт-Петербург, 2007. Т. 1. С. 7—13.
20. Хазанов Б. 1913 год // История русской литературы: XX век: Серебряный век / под ред. Жоржа Нива, Ильи Сермана, Витторио Страды и Ефима Эткинда. Москва, 1995. С. 404—413.
21. Шибалева М. М. Русская эстетика: опыт исканий и обретений. Москва, 2012. 138 с.
22. Эткинд Е. Единство «серебряного века» // Звезда. 1989. № 12. С. 185—194.

*

РОССИЙСКИЙ НАРРАТИВ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

УДК 008:1-027.21

Н. К. Гасанова

Московский государственный университет культуры и искусств

В статье рассматривается российская специфика проблематики «мультикультурализма». Вынесено на обсуждение введение термина «русский мультикультурализм». Дано рабочее определение мультикультуральности, мультикультурализма.

Ключевые слова: мультикультурализм, русский мультикультурализм, интерсубъективность, интертекстуальность.

N. K. Gasanova

Moscow State University of Culture and Arts

RUSSIAN NARRATIVE OF MULTICULTURALISM

The article discusses the specifics of the Russian perspective “multiculturalism”. Justified the introduction of the term “Russian multiculturalism”. Given the operational definition of multicultural, multiculturalism.

Keywords: multiculturalism, Russian multiculturalism, intersubjectively intertextuality.